

Сергей ЗВЕРЕВ

Я - ВОП

В ЗАКОНЕ



ВЫСТРЕЛ
С ТОГО СВЕТА



Я – вор в законе (Эксмо)

Сергей Зверев

Выстрел с того света

«Эксмо»

2016

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Зверев С. И.

Выстрел с того света / С. И. Зверев — «Эксмо», 2016 — (Я – вор в законе (Эксмо))

ISBN 978-5-699-90388-7

Погрязший в коррупционных делишках начальник таможни Ивашов вдруг решает выйти из «игры». Он инсценирует собственное убийство, отправив на тот свет брата-близнеца и подкинув улики своей жене. Сыщику Канарейкину, впрочем, удастся найти настоящего киллера, но афера с «убитым» Ивашовым все еще не раскрыта. Тем временем бывшие подельники Ивашова становятся объектами серьезного шантажа. И тогда они понимают, что спланировать это вымогательство под силу только тому, кто хорошо знаком с темными сторонами таможенной службы...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-90388-7

© Зверев С. И., 2016
© Эксмо, 2016

Содержание

Часть первая	6
Глава I	6
Глава II	8
Глава III	10
Глава IV	13
Глава V	15
Глава VI	17
Глава VII	21
Глава VIII	23
Глава IX	25
Глава X	28
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Сергей Зверев

Выстрел с того света

© Зверев С. И., 2016

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2016

* * *

Часть первая

Покушение

Глава I

Он крутит педали уже двадцать минут. Пот заметно выступил на лице, а тонкая струйка медленно стекает по ложбинке спины. Так, уже семнадцать километров, еще три. Его ежедневная норма двадцать километров. Конечно, было бы приятней прокатиться на велосипеде где-нибудь по лесной тропинке, но такой возможности у него нет. А форму надо поддерживать. Иначе сам себя уважать не будешь. Да и бабы тоже любят крепких мужиков. Деньги они, безусловно, больше любят, но если к ним прилагается еще и фактура, то и любовь их более искренна. Это он точно знает.

На тумбочке зазвонил внутренний телефон. Кирилл Анатольевич бросил на него удивленный взгляд, но упражнение на тренажере не прекратил. Телефон замолк, но через несколько секунд зазвенел опять. Ч-черт, кому неймется, с раздражением подумал Кирилл Анатольевич. Опять, наверно, Немиров. Этот телефон знают всего два человека: его секретарша и его зам. Ленка навряд ли будет его беспокоить, значит, этот придурок Немиров.

Через пять минут, когда он закончил свою ежедневную норму и слез с тренажера, в зал вбежал Немиров. Он был в форменных зеленых брюках, без обязательного галстука, рубашка наверху расстегнута на две пуговицы. Шея у Немирова очень толстая, и он никогда воротник рубашки не застегивает на верхние пуговицы, как Жириновский. Взгляд у вбежавшего таможенного начальника был испуганный.

– Андрей Юрьевич, ты чего такой взъерошенный, как будто к нам без предупреждения приехала комплексная комиссия из Москвы? – спокойно спросил Кирилл Анатольевич, вытирая полотенцем пот с лица и шеи.

– Тебя Ванин разыскивает! – истерично сообщил Немиров.

– Ну и что?

– Да как что? Полчаса долбит меня: срочно мне Ивашова.

– Да что случилось-то? – Кирилл Анатольевич открыл бутылку минералки, налил в чашку воды.

– Не знаю. Сказал что в тринадцать совещание, и тебе надо прибыть к нему с квартальным отчетом и со всеми сводными данными по растаможенным в этом году автомобилям.

– Только и всего, – усмехнулся Ивашов.

– Да он меня задолбал! – обиженно воскликнул Немиров. – Орал: «Чем вы там занимаетесь, никогда вас не найдешь – ни так, ни по сотовому».

– Я сотовый сюда никогда не беру.

– Вот то-то и оно, – ехидно заметил Немиров, – а достается мне. Ты тут занимаешься, а мне за тебя получать.

– Да успокойся. Ты же знаешь Ванина: поорет и забудет. А вот тебе, Андрей Юрьевич, тоже надо бы физкультуркой заняться. Живот свисает так, что ремня уже не видно.

– Некогда мне, – хмуро буркнул Немиров.

– Да брось, Андрюш, на пиво время и денег хватает, а тут и надо-то всего минут тридцать в день. Ладно, пошли, сейчас сам позвоню ему. Какой петух его в задницу клюнул... – Кирилл Анатольевич пошел к двери, надевая на ходу спортивную майку, а Немиров поплелся за ним, как послушный пес за хозяином.

Проходя мимо секретарши, Кирилл Анатольевич, бросил:

– Леночка, распечатай мне еще один экземпляр квартального отчета.

– Хорошо, Кирилл Анатольевич, сейчас сделаю, – пообещала миловидная девушка.

Ивашов вошел в свой кабинет, плотно закрыл за собой двойную дверь, прошел к рабочему столу, сел в массивное кожаное кресло. Кресло он выбирал сам, как и всю обстановку своего кабинета. На рабочем месте все должно быть функционально, ничего лишнего. Телефоны, компьютер, маркеры, ручки, сейф, настольная лампа, проектор, телевизор – все это он купил и расставил сам. Удобно и всегда под рукой. Если ты в кабинете проводишь треть жизни, то все аксессуары в нем должны служить тебе, а не ты им. Это Немиров поставил себе в кабинет дорогую итальянскую мебель, до которой боязно дотронуться, посудный шкаф с хрустальными стаканами и рюмками, развешал на стенах картины. На столе зачем-то огромный перламутровый глобус, а сам не знает, где находится Кот-Дивуар.

Так, ну и что там у них стряслось, подумал Ивашов и поднял трубку красного телефона.

– Ванин, – резко прозвучал в трубке голос начальника таможенного управления.

– Добрый день, Александр Алексеевич, – поприветствовал Ивашов шефа.

– А-а, ты... подожди немного, я тебе перезвоню, – положил трубку.

Значит, не один, догадался Ивашов и задумчиво посмотрел на настенный календарь с фотографией таможенника в зеленой форме.

Ванина он знает давно. Лет двадцать. Всю таможенную структуру в их регионе, а это седьмая часть территории страны, они создавали вдвоем. Вернее, так: Ванин пришел в систему, когда таможня в их городе была уже создана. Только он, Ивашов, профессиональный таможенник, а Ванин пришел из *органов* к нему заместителем, и он года два натаскивал его в тонкостях таможенного дела. А потом создали таможенное управление. Начальником поставили Ванина, а его, Ивашова, так и оставили на старой должности. Пилуля для его самолюбия горькая, но он ее проглотил. Никому он не демонстрировал своей уязвленной гордости, в конце концов, не место красит человека. Но в глубине души червоточина где-то осталась. И вот теперь если по армейским меркам Ванин командующий армией, то он, Ивашов, – командир полка.

А Сашка сильно изменился: «без доклада не входить», начальники таможен и служб запинываются к нему на прием не менее чем за неделю, вокруг себя создал «двор». Прихлебатели у трона лебезят: «Чего изволите?», «Не угодно ли подать?» Слава богу, что в обиход еще не вошли обращения типа «Ваше величество» или «Ваше высочество». Когда он был у него замом, то он не был таким.

Красный телефон запиликал мелодией из «Щелкунчика».

– Слушаю, Александр Алексеевич, – ровным деловым тоном произнес Кирилл Анатольевич.

– Значит так, Кирилл, – голос шефа как у сержанта-сверхсрочника в разговоре с солдатиком-первогодком, – в тринадцать совещание по вопросу реализации конфиската. Ты подъезжай ко мне на полчаса раньше. Подбей бабки по автомобильным растаможкам за год. Ты их перекинул на счет СРК?

– Нет еще, не перекинул.

– Срочно перекидывай. И мне нужна точная сумма.

– Немирова брать с собой?

– Не надо, не его ума дело.

– Все понял, Александр Алексеевич.

– Ну и ладненько. Давай, – положил трубку.

– К чему эта спешка? – тихо произнес Ивашов и вопросительно посмотрел на красный аппарат, словно ждал от него ответа.

Глава II

Солнечный луч скользнул по его лицу. Сквозь решетчатое окно солнце било прямой наводкой и заливало центр камеры ярким светом, отчего унылая обстановка помещения сразу стала праздничной.

«Весна скоро, – подумал Вадим. – Через два месяца откинусь, как раз в середине апреля. Деревья зацветут, яблони, сирень. Девушки будут ходить по улицам с распущенными волосами. А как они выглядят, девушки? Забыл. Это что-то такое нежное и удивительно приятное. От близости с этим существом сердце начинает биться быстрее и в паху начинает покалывать».

А сейчас уже ничего не бьется и не покалывает. Все атрофировалось. Все чувства. Память только не атрофируется. Она, память, как злопамятный судья, постоянно выносит ему приговор, постоянно тычет, тычет его в его ошибки и просчеты, словно нагадившего щенка в его же дерьмо.

М-м-да, вот и жизнь прошла. Пятьдесят пять. А вспомнить нечего: «дела», подельники, стрелки, пьянки, малины, проститутки.... Нормальной жизни и не видел.

– Шрэк, давай партейку в шашки на пару чинариков? – К его лежанке подошел Щербатый.

– Не, неохота. – Вадим только скользнул взглядом по соседу по камере.

– Может, чифирчику замутить?

– Замути.

– Щас оформлю, – пожилой зэк поспешил к общему столу.

Мысль о скором выходе на свободу будоражит чувства, словно весенний ветер, поднимающий с земли старые слежавшиеся листья. Куда ехать? Чем заниматься? Ни жилья, ни друзей, ни родственников.... Хотя нет, родственник есть – брат Кирилл. Только где он? Связь с ним оборвалась семь лет назад после смерти матери. О ее смерти брат сообщил в письме. В этом же письме он просил написать ему отказ от его доли на родительскую квартиру, чтобы продать ее. При этом Кирилл обещал «компенсировать» позднее эту услугу. Согласие было дано. Он бы так и так продал ее и без его согласия.

– Пошли, Шрэк. – Щербатый пригласил к столу.

Вадим сел на своей лежанке, оглядел камеру. Вареный и Валет режутся в бурю. Конопатый спит, Угорь что-то читает. Все нормально. Щербатый пригласил на чаепитие только его одного. Это тоже нормально. Его статус смотрящего по камере дает ему такую привилегию. Кроме того, Щербатый по-тихому пригласил его одного. Значит, хочет пошептаться. Ладно, пошепчемся.

Вадим встал, потянулся, прошел к столу, сел. Никто в камере не обратил на это внимания.

– Мне сказал Горилла, – напряженным шепотом стал рассказывать Щербатый, – сегодня на прогулке Борзой устроит драку с нами.

– Зачем? – спокойно поинтересовался Вадим, дуя в кружку, до краев наполненную черным как смоль чаем.

– Я предполагаю, для того чтобы упрятать нас на три дня в карцер.

– Смысл?

– А он в это время перекупит нашего вертухая.

– Разбогател что ли?

– Похоже на то. Была у него свиданка недавно. Баба приезжала к нему. Да такая шикарная, что даже у краснопогонников слюни текли. Короче, Горилла вякнул: на прогулке какой-то фраерок нас зацепит. Ну, типа провокация. Если мы ответим адекватом, нас сразу за шкуру. Вот я думаю, может, не пойти на прогулку?

– Нет, – Вадим покачал головой и сжал челюсти, – прогулка – это святое. Пропускать нельзя.

– Тогда надо просто не заметить этого придурка и не отвечать на его действия.

– Ты чего, Чалый?! – Вадим сверкнул на сокамерника взглядом. – Отвечать надо в любом случае. Масть держать надо!

– Ну, тогда потеряем канал. Только прокатали его...

– Не получит Борзой нашего вертухая, – загадочно усмехнулся Вадим.

Прогулка на тридцать минут, как всегда, проводилась перед обедом. Зэки, вышедшие из затхлых камер, с наслаждением вдыхали морозный воздух, поднимали бледные лица к тусклому февральскому солнцу.

Вадим, не спеша, ходил по периметру тюремного двора, глядя себе под ноги. Снова воспоминания.

Они с Кириллом рыбачили на горной речке. Кирилл залез на упавшее на берегу дерево, наполовину затонувшее в воде, стал оттуда закидывать удочку. Он, видимо, поскользнулся или оступился и упал в воду. Бурное течение потащило его по дну, унося на середину реки. «Вадим, помоги!» – крикнул в отчаянии утопающий мальчик. Вадим оторопел, уставился на брата, беспомощно барахтающегося в воде. Пловец тот был никудышный. Вадим тоже плавал плохо. Что делать?! В этот момент взгляд его упал на удилице в руке. Решение пришло само собой. Он побежал по берегу, залез на какой-то валун, с него протянул удилице Кириллу: «Хватайся!» Кирилл ухватился рукой за конец протянутой удочки, но Вадим в этот момент соскользнул с валуна и сам оказался по пояс в воде. Он держался за камень одной рукой, а другой, одеревеневшей от холода и напряжения, держал удилице, не обращая внимания на то, что рыболовный крючок впился ему в запястье. Кирилл сумел по удилице добраться до брата. Когда они вылезли на берег, то несколько минут стояли на суше, тяжело дыша и обнявшись. Затем Кирилл оторвался от брата и посмотрел на него таким взглядом, который он до сих пор забыть не может.

Вдруг кто-то поставил ему подножку. Вадим упал лицом вперед, заблокировав руками падение. Когда поднялся, увидел рядом с собой Гнусавого, прыщеватого парня, который всегда говорил через нос, словно он у него был заложен: «Че падаешь, или чифиру перепил?» Наезд был конкретный. Реакция старого зэка была мгновенная – удар ребром ладони по шее. Гнусавый упал на землю, схватившись за шею и хватая воздух ртом, словно рыба, выброшенная на берег. «За что бьешь, Шрэк, с-сука?!» – на Вадима налетел другой зэк, весь испещренный татуировками. Вадим увернулся от удара и притормозил нападавшего точным ударом в солнечное сплетение. Подоспел Чалый, встали спина к спине. Весь двор забурился.

Из другого конца тюремного двора вылетели вертухаи с овчарками: «Всем на землю, иначе спускаем собак!» Драться со свирепыми волкодавами голыми руками бесполезно, да и себе дороже. Все сидельцы упали на землю, кто где стоял.

– Я же предупреждал тебя! – прошипел Вадиму в лицо лежавший рядом Чалый.

– Ништяк, – криво усмехнулся Вадим.

– Вставать по одному и в камеры! – приказал старший контролер.

Зэки поднимались с земли, держа руки за спиной, молча шли обратно в камеры. Вадим выходил со двора последним.

– Тебе, как отличившемуся, будет особое внимание начальства, – предупредил Вадима контролер. Вадим никак не отреагировал на это.

Глава III

Таможенное управление находится в центре города. Современный девятиэтажный корпус. Ванин тогда вовремя подсутился и выбил это здание. Здесь надо отдать ему должное, выбивать он умеет. Нюх как у гончей собаки: знает, где, когда и на какую педаль нажать, кому вовремя «подмазать». В аппаратные игры играет превосходно. В этом деле равных ему нет. Наверное, благодаря этому качеству и стал начальником управления.

Но, друг ситный Александр Алексеевич, это твой потолок. Хотя и ездешь ты регулярно с «сувенирами» в Москву, не возьмут они тебя к себе. Львы никогда не возьмут пса в свой прайд. Не случайно Бунин тогда по пьянке брякнул ему, грозя пальчиком: «Смотри у меня, Алексеич, я тебя породил, но я же могу тебя и убить».

Водитель вплотную остановил машину перед шлагбаумом, который сразу поднялся, и «Вольво» плавно подъехала к центральному входу. «Валер, часа на два, – бросил Ивашов водителю, открывая дверцу машины, – так что можешь сходить в столовую пообедать». «Да нет, Александр Алексеевич, не хочу. Я потом у себя пообедаю», – достал из бардачка журнал «Спид-инфо».

Ивашов прошел в просторный тамбур. Незнакомый охранник, прапорщик, вскочил со своего места, поприветствовал его: «Здравия желаю, Кирилл Анатольевич!» Мелочь, а приятно! «Здравствуйте, – Ивашов подошел к нижнему чину, поздоровался с ним за руку, – пройду здесь», – он кивнул в сторону узкого прохода между будкой охранника и турникетом. Через турникет Ивашов проходить не любит. На нем установили «тачки» – последний писк моды: прилагаешь пальчик к датчику, загорается зеленый огонек, и свободно проходишь, как в метро. Во-первых, техника часто зависает. Когда проходят сотни людей, на датчике накапливается пот и грязь и электроника не считывает дактилоскопический узор. Особенно часто это происходит летом. Во-вторых, Ивашов брезгует. Напоминает целование креста в церкви, когда через него проходит толпа людей.

Поднялся на лифте на седьмой этаж. Коридор пустынный. Пошел по красной дорожке в направлении кабинета начальника управления. На стенах реквизиты, обязательные сегодня для любого солидного учреждения: фотографии зданий объектов таможенного управления, коллаж на тему «Таможня дает добро», грамоты руководства ФТС, доска почета. Напротив нее Ивашов остановился, сразу нашел свое фото на доске. Моложавый таможенник в еще старой синей форме, взгляд внимательный и в то же время приветливый. «Лет сорок здесь мне, – подумал Ивашов. – Не снял, значит, – усмехнулся Кирилл Анатольевич, вспомнив, как месяц назад Ванин грозился снять его фото с доски почета. – Эх, Александр Алексеевич, висит моя фотография на доске почета или не висит, какая, на хрен, разница! Уж себе-то цену я знаю. А все эти внешние атрибуты славы... мелко. Да и вышел я уже из этого юного возраста».

– Добрый день, Екатерина Владиславовна, – Ивашов приветливо улыбнулся секретарше Ванина.

– Ой, здравствуйте, Кирилл Анатольевич. Давно к нам не заглядывали. – Секретарша оторвала трубку телефона от уха, прикрыв микрофон ладошкой.

Секретарша Ванина его «кадр», Ивашова. В начале девяностых, когда не то что найти хорошую работу, а вообще устроиться на работу было сложно, он подобрал ее буквально на улице. Симпатичную девчушку после иныза пристроил у себя не только из сострадания, но и с более деликатными намерениями. Но Катенька оказалась девушкой с характером пуританским: «Кирилл Анатольевич, если вы будете настаивать на интиме, я уволюсь». Кирилл Анатольевич не обиделся и даже проникся к ней уважением. А когда вопрос встал о подборе секретарши для Ванина, то сделал кадровую рокировку. И, как показала практика, удачную. Иметь «своего человека» у трона всегда полезно.

– Один? – Ивашов указал на дверь начальника управления.

– Да, да, проходите, ждет....

– Разрешите, товарищ генерал-лейтенант? – зычно, по-военному обратился Ивашов к шефу, как только переступил порог.

Ванин, который в это время что-то искал в ящике своего стола, оторвался от занятия, тупо уставился на вошедшего подчиненного.

– Ты чего... выпендриваешься? Не в казарме, – буркнул хозяин кабинета, но по тембру его голоса Кирилл Анатольевич понял: плеснул елей на душу!

– Привычка, Александр Алексеевич. – Ивашов подошел к столу, чтобы пожать протянутую руку начальника, вальяжно развалившегося в кресле.

– Ты иль в армии служил?

– Служил, – загадочно усмехнулся Ивашов, – интендантом, даже дослужился до капитана.

– А чего ж не остался? – Ванин с интересом посмотрел на своего подчиненного.

– Не хотел в тюрьму садиться. Комдив сволочь был, воровал по-черному. А в то время только два варианта было: либо стучишь на своего командира как дятел, либо идешь вместе с ним на нары как не проявивший коммунистическую бдительность. А я не хотел ни стучать, ни проявлять эту самую бдительность. И вовремя уволился.

– Ну, и чем закончилось? – На лице шефа живейший интерес.

– Через год после того, как я уволился, посадили его.

– М-м-да, – крикнул шеф и резко задвинул ящик стола, жестом указал Ивашову на ближайший стул, – отчет привез?

– Конечно. – Ивашов достал из черной папки несколько листков отпечатанного квартального отчета.

Ванин положил на стол документ, взял в руки маркер и карандаш. Маркер в правую руку, карандаш – в левую. Стал быстро читать. Желтым маркером он выделял итоговые цифры, а карандашом на полях ставил пометки: точки, птички или вопросы. Документы Ванин читал быстро, мгновенно схватывая их суть и выделяя главное. Пятистраничный текст он прочитал минут за семь.

– Почему так резко упали все показатели? – Шеф исподлобья бросил недовольный взгляд на Ивашова. – И по импорту, и по экспорту, и по сборам.

– А с чего им расти при таких санкциях? – вопросом на вопрос ответил Ивашов. – По нашей области объем промышленного производства упал на десять процентов, Легмаш на грани банкротства...

– В этом году план не выполним, – хмуро озвучил свой вывод Ванин.

– Не выполним, – подтвердил Ивашов.

– Ладно, – Ванин отодвинул отчет на край стола, заговорщицким голосом тихо сообщил: – Гудин через неделю приезжает...

– Новость! – тихо воскликнул Ивашов. – Чем обязаны?

– К его приезду надо наскрести пол-лимона налички.

– Рублей?

– Долларов.

– Они что там, ох-х... совсем уже?! – Возмущение Ивашова было неподдельным. – Всю схему нам рушат.

– Кирилл, – Ванин тяжело вздохнул, – это ж Москва.

– Да они там чем думают?! Ни чувства меры, ни элементарной безопасности! И как их вытаскивать с таможенных счетов?

– Обналичишь через наш банк.

– Управляющий потребует комиссию.

– Отдашь, – в приказном тоне сказал Ванин и сжал челюсти.

– Ладно, понял, – вяло произнес Ивашов и пустым взглядом уставился на почетную грамоту, выданную администрацией города начальнику управления к прошедшему Дню таможенника. – Только не кончится это добром, Александр Алексеевич, – обреченно добавил он.

– Кирилл, не каркай, и так тошно. – Лицо Ванина скривилось гримасой, словно во рту у него был кусок лимона, он бросил взгляд на часы. – Так, скоро подойдут....

– Я нужен на этом совещании?

– Да. Тут вот что. Опанасенко химичит. Служба собственной безопасности сообщила: он должен был конфискованные китайские пуховики передать в качестве подарка в дом инвалидов, подписал у меня акт и сопроводительное письмо. А вместо этого загнал всю партию в комиссионку.

– О господи, с кем приходится работать! – Ивашов поморщился, словно от зубной боли, помотал головой. – Ни купить, ни продать, ни своровать – ничего не умеют!

– Как считаешь, что с ним делать? Может, выгнать к ядреной фене?

– А вместо него кого?

– Зинаиду...

– Не, не потянет. – Ивашов еще раз выразительно помотал головой. – Сделаем вот что: посадим его на крючок.

– Как?

– Пусть ССБ заводит сигнальчик и потихоньку разрабатывают его. Потом надо сделать аккуратную протечку, чтобы он знал это и знал, что мы это знаем. И он будет в ваших руках куклой, реагирующей на каждое движение вашего пальчика.

– Кирилл, а ты... в НКВД не работал? – Ванин внимательно, с прищуром посмотрел на своего начальника таможи.

– Нет, не пришлось, – усмехнулся Ивашов.

– Жаль. Достиг бы там высот.

– Александр Алексеевич, может, я еще успею до совещания пообедать?

– Не успеешь.

– Ч-черт, опять голодным сидеть.

– Подожди, сейчас что-нибудь придумаем, – поднял трубку телефона, – Катюша, я знаю, у тебя всегда есть НЗ: сможешь сделать нам по чашечке кофе и по пирожному?

– Сейчас принесу, Александр Алексеевич, – мелодично прозвучал голос секретарши.

Ванин встал из-за стола, подошел к сейфу, достал оттуда бутылку коньяка, молча наполнил пузатые стопки наполовину:

– Давай, для тонуса.

– За успех нашего дела, Александр Алексеевич, – Ивашов чокнулся своей стопкой со стопкой начальника управления, – воровского....

– Язва ты все-таки, Кирилл! – воскликнул Ванин.

– Какой есть, – простодушно улыбнулся Ивашов и одним глотком опрокинул в себя янтарную жидкость.

Глава IV

Вадим привычно шел по мрачным коридорам тюрьмы. «Лицом к стене!» Зэк повиновался приказу сопровождающего контролера. Лязг открываемого замка. «Пошел!» Вошел в решетчатый тамбур. «Лицом к стене!» Снова лязг со скрежетом открываемого замка. «Пошел!» Все привычно и постыло.

Перед входом в кабинет заместителя начальника тюрьмы по оперативной части сопровождающий дал приказ в более мягкой форме: «Проходи!»

– Заключение Ивашов, статья сто шестьдесят третья! – четко доложил зэк, переступив порог важного начальника в исправительном заведении.

– Проходи, присаживайся, – буднично кивнул моложавый подполковник, отложив в сторону бумаги на столе.

Вадим сел на табурет перед хозяином кабинета, спина прямая, руки на коленях. «Посадит он меня в карцер или нет?» – подумал зэк, прямо посмотрел на начальника. Зам по опер наклонил голову набок, бросил внимательный взгляд исподлобья на старого зэка:

– Что смотришь, Ивашов?

– Давно не виделись, гражданин начальник.

– Ну да, – усмехнулся тюремщик, – недели две как. Соскучился по карцеру?

– Моей вины нет, гражданин начальник. Я защищался. Все по понятиям.

– Понятия, Ивашов, у тебя будут на хазе или на малине. А здесь правила внутреннего распорядка и поведения.

– Я с вами не спорю, гражданин начальник, – уныло согласился Вадим.

– Еще бы ты спорил! – буркнул офицер, взялся за трубку телефона: – Привет, это Гундарев, – сказал он кому-то по телефону, – как там Хмара, в каком состоянии?... Давай, я подожду.

В лазарет звонит, понял Вадим, интересуется здоровьем Гнусавого. «Здорово я его тогда звезданул. Ч-черт, как бы не пришили нанесение тяжких телесных повреждений. Хотя удар был так, средненький, видать, по сонной артерии попал».

Осторожно огляделся в кабинете. Обставлен скромно, но со вкусом. Небольшой аквариум, на подоконнике кактусы, сейф, холодильничек, на полу ковер, картинка какая-то, литография, телевизор современный, да большой какой! Вдруг Вадим напрягся, увидев на экране знакомое лицо. Ё-моё, да это же Кирилл! Зэк подался вперед и впился взглядом в лицо брата. Тот был в красивой зеленой форме таможенника, говорил о каких-то технологиях, брокерах. Но Вадим не слушал, что он говорит, он пожирал глазами лицо родственника, и давно забытая теплая волна начала накатывать на него, глазам стало горячо.

– Чего ты там разглядываешь? – удивленно спросил его зам по опер, который уже закончил разговор по телефону.

– Да... так... знакомый. Вместе когда-то... колобродили.

– Тебе до этого знакомого, как мне до Президента. В общем, так, Ивашов, повезло тебе: у Хмары сильный ушиб, пару дней отлежится и выйдет. А вот что с тобой делать? – Зам по опер прилепил к зэку загадочный взгляд. – Карцер ты честно заслужил.

– Воля ваша, гражданин начальник, – равнодушно произнес Вадим, все еще косясь на экран телевизора.

– Это понятно. Но есть варианты... – Длительная значительная пауза.

– Вы мои принципы знаете, – усмехнулся Вадим.

– Принципы – это не понятия. За принципы ты отвечаешь только перед самим собой, а вот за понятия – перед братками.

– Не пойму, к чему вы клоните.

– Кого опять купили? Кто на тебя работает? – Зам по опер остановил на зэке жесткий взгляд.

– О чем вы? – Вадим посмотрел на офицера по-детски простодушным взглядом.

– Послушай, Ивашов, когда тебе выходить?

– Через два месяца.

– А вдруг это не получится? Вдруг ты перед самым выходом угодишь в карцер или бумаги на тебя вовремя не подпишут? У нас своя бюрократия....

– Не имеете права! – зло блеснул взглядом зэк.

– Пока ты здесь, то все права у меня. Ты же знаешь.

Вадим насупился, стал рассматривать узор на ковре.

– Я ведь все равно вычислю, не через тебя, так через других, – вкрадчиво продолжал зам по опер, – ты же мои принципы тоже знаешь: ты – мне, я – тебе. Риска-то ведь никакого. Канал этот тебе все равно уже не понадобится.

– Прапорщик Колесов, – выдавил из себя Вадим.

– Я так и знал! – воскликнул оперативник. – Все, больше вопросов нет. Можешь идти.

– А как насчет карцера? – Вадим встал, вопросительно посмотрел на опера.

– А при чем тут карцер? – делано удивился оперативник. – Ты же сам сказал, что защищался.

– Ну да, – согласился Вадим и привычно заложил руки за спину перед выходом из кабинета.

Он даже не успел обрадоваться тому, что избежал сурового наказания в виде карцера. Голова его была сейчас занята другим – братом Кириллом.

Глава V

Машина застряла на перекрестке Белинского и Литейного. Пробка была основательная, с перспективой минут на двадцать.

– Константин Дмитриевич, может, включить мигалку, чтобы прорваться? – Водитель повернулся к своему пассажиру, вопросительно посмотрел на него.

– Не надо, давай лучше как-нибудь объедем, – посоветовал Хомяков.

– Ну, тогда я прошмыгну на Фонтанку, а потом на Кутузова.

– Давай!

Константин Дмитриевич не стал пользоваться своим правом на нарушение правил дорожного движения, так как хотел оттянуть время прихода на работу. Сегодня до десяти надо звонить Гудину, дать ответ в отношении закупки новых сканеров. Техника на посты, без-условно, нужна, но не за такие деньги! Полтора миллиона рублей каждый. «Если я их закуплю, то денег в этом году ни на что не останется. Ни на разъездные машины, ни на ремонт таможи, ни на премии работникам. А Гудин давит: покупай!»

Вообще все это как-то подозрительно. Заявки я не давал, пока обходимся старыми сканерами. Ну-ка, позвоню я Кириллу». Хомяков достал сотовый телефон:

– Кирилл Анатольевич, приветствую. Не отвлекаю от важных дел?

– Нет, не отвлекаешь, Константин Дмитриевич. Все важные дела у прокурора. А у нас так... делишки.

– Всегда рад слышать твой саркастический юмор.

– А мы только на это и способны: на кухонный сарказм и «Слушаюсь!».

– Скажи, пожалуйста, вы не получали у себя новые сканеры, маркировку не помню...

– Получали. Мне Ванин даже один всучил.

– Как впечатление?

– Полное говно! Картинка размытая, не считывает тяжелые металлы. Уровень качества – Китай восьмидесятых.

– А почему цена такая заоблачная?

– А это ты спроси господина Гудина. Им красная цена – сто тысяч.

– Откуда они, эти сканеры?

– По моим данным, Гудин в Москве создал какую-то фирмешку, вот они и собирают из старых деталей.

– Понятно. Спасибо за информацию.

– Всегда рад. Костя, планирую к тебе подъехать. Есть одна идея.

– Подъезжай, можешь и без идей.

– Нет, без идей не могу. Кстати, мой тебе совет: закрывай «транзит».

– Я уже думал об этом.

– Ладно, приеду, поговорим. Пока.

– До связи. – Константин Дмитриевич положил телефон в карман.

Задумался. Ивашова он ценит. «У него ум как компьютер, просчитывает все варианты и за несколько ходов вперед. Вот его бы на ФТС поставить! Я бы даже согласился у него замом. Да... вдвоем с ним мы бы горы своротили, всю страну бы «обули». А Гудин, этот шакал, недалекий. Хапает без меры и нас в пропасть тянет. Завязывать с ним надо. А мне куда столько надо? На две жизни хватит».

К управлению подъехали в полдесятого. Старое четырехэтажное здание сталинской постройки не производило особого впечатления. Но внутреннее убранство управления было предметом личной гордости начальника управления. Все солидно, в стиле хай-тек. Константин Дмитриевич шел по коридорам управления, на ходу здороваясь с сотрудниками. Многих рядо-

вых сотрудников он уже не помнил, как звать по имени. «Какая огромная машина, – удивился Константин Дмитриевич, – а ведь все это я создал». Мысль шаркнула по самолюбию.

В своем кабинете, раздевшись и усевшись за стол, Константин Дмитриевич тоскливо посмотрел на телефоны. Сейчас начнется... карусель. Только подумал, как зазвонил внутренний телефон. Секретарша:

– Константин Дмитриевич, в десять тридцать к вам подъедет начальник налоговой.

– Да, Леночка, спасибо, я помню. На семнадцать вызовите мне, пожалуйста, начальника отдела по тарифам.

Вновь посмотрел на телефоны. Так, сначала надо позвонить Насте, а потом Гудину. Домашний телефон дочери не отвечал долго, и когда он уже хотел положить трубку, дочь сняла ее.

– Как дела у Артема? – нетерпеливо спросил Константин Дмитриевич.

– Уже лучше. Сегодня спал. Температуру сейчас померила, тридцать шесть и восемь.

– Врача вызвала?

– Да, позвонила участковому терапевту, обещала приехать посмотреть после четырнадцати.

– Ну, слава богу. Если что надо, звони.

– Хорошо, папа.

Артем его любимый внук. После этого звонка стало легче на душе. А сейчас ведь только ради них и рвешься на работе, подумал Константин Дмитриевич, с годами потребности уменьшаются. Так, теперь этому шакалу.

Константин Дмитриевич на память набрал прямой телефон Гудина.

– Доброе утро, Игорь Вениаминович, – ровным голосом поприветствовал московского начальника.

– А-а, ты. Здравствуй, – сердитым голосом буркнул Гудин.

– Я посоветовался со своими технарями, – сразу приступил к теме Хомяков, – наши старые сканеры вполне в удовлетворительном состоянии и проработают еще несколько лет. Поэтому новые сканеры я приобретать не буду.

На другом конце провода выразительная «театральная» пауза.

– Хомяков, вот почему ты такой кочевряжистый? – Голос Гудина тихий, но с нехорошим придыханием.

– Я не кочевряжистый, Игорь Вениаминович, я хозяйственный.

– Послушай, ты, хозяйственный! – Шеф уже не сдерживает раздражения. – Я ведь могу тебя и скинуть с хозяйства.

– А я не держусь за это кресло, – спокойно ответил Хомяков. – Могу хоть завтра на начальника поста.

– Слететь можно тихо, а можно и с треском, – вкрадчиво произнес Гудин.

– Можно и с треском, – согласился Хомяков, – только, Игорь Вениаминович, напоминаю: находимся мы в одной подлудке. Если слетим, то вместе. Вопрос в другом: кто всплывет, а кто утонет?

– Ну, это уже через край, Хомяков! – В голосе шефа рычащие нотки. – В общем, так.

Ничего сейчас тебе обещать не буду. Только совет: подумай хорошо. Все!

Трубка на том конце громко стукнула. Константин Дмитриевич представил в этот момент лицо Гудина и весело рассмеялся.

Глава VI

Весна выдалась поздняя. Солнце изредка выглядывало из-под серых облаков и никак не могло прогреть землю. Снег на газонах слежался и затвердел под ледяной коркой. Он сначала пожелтел, затем посерел, а потом и вовсе покрылся серой городской пылью. И только в конце апреля, когда весна решительно вступила в свои права, он стал быстро таять, а на земле кое-где стали робко проступать зеленые ростки.

В этот день Кирилл Анатольевич задержался на работе до семи часов вечера. Он сложил рабочие документы в сейф, отключил кондиционер, подошел к выключателю, включил охранную сигнализацию, вдруг застыл в раздумье. Домой ехать не хотелось. Видеть опять *ее*. Эту скорбно-постную физиономию с плохо отрепетированным выражением уязвленного достоинства, слышать желчные реплики в свой адрес. «Нет, только не это! Иначе или сорвусь, или она опять начнет что-нибудь швырять в меня».

Он достал из кармана сотовый телефон:

– Привет, Вероника, еще на работе?

– Ой, привет, Кирилл, – голос девушки был неподдельно радостен, – нет, уже дома.

– Хочу подъехать к тебе. Примешь?

– Конечно, что ты спрашиваешь. Только у меня ничего нет такого, чтобы тебя угостить.

– Да ничего не надо, сделаешь что-нибудь на скорую руку.

– Тогда... брокколи с яйцами.

– Отлично. А я заеду в магазин, куплю что-нибудь.

– Купи мартини и апельсинов.

– Хорошо.

– А ты останешься сегодня?

– Останусь.

– Ой, как здорово! – Вероника радостно, словно маленький ребенок, взвизгнула. – Давай быстрее!

– Все, еду.

Кирилл положил телефон обратно в карман, глубоко вздохнул. На сердце стало теплее, и его вдруг охватило знакомое радостное возбуждение.

Второй год он с ней. На этот раз все серьезней, и эту связь нельзя классифицировать как очередной роман на стороне. Во-первых, девушка весьма неглупая и в отличие от прежних любовниц видит в нем не только богатого спонсора. Во-вторых, «приклеила» его к себе так, что стала частью его жизни. Если и придется выдирать эту часть из себя, то только с кровью. А может, плюнуть на все предрассудки и жениться на ней? Интуитивно чувствует: она к этому готова. Пугает разница в возрасте – двадцать восемь лет. Через десять лет ему шестьдесят пять, практически старик, а ей будет тридцать семь – самый цвет для женщины.

Кроме того, эти проблемы на работе. В криминальном дерьме он увяз сильно. Даже если и захочет вылезти из него, то «соратники» ему этого не позволят. Халявные деньги это ведь как наркотик: хочется еще и еще, остановиться невозможно. И с каждым разом доза увеличивается. Крышу сносит капитально. Только не понимают они, что конец все равно будет. А какой он будет? Представить страшно. Но об этом они не думают.

Ивашов спустился на первый этаж, подошел к охраннику на проходной.

– Сережа, проверь сигнализацию, – попросил он охранника.

Пожилой мужчина в форме прапорщика повернулся к пульта, шелкнул каким-то тумблером.

– Все нормально, Кирилл Анатольевич, – сообщил он начальнику.

– До свидания. – Ивашов попрощался с охранником за руку и вышел на улицу.

В нос ударило тем весенним запахом, который будоражит сердца романтиков, а начинающих поэтов подвигает на новые стихотворные шедевры. А может, правда, плюнуть на все и уйти к Веронике, мелькнуло вдруг в голове. С Лизкой уже ничего не осталось – все сторело!

Подошел к своему «Мерседесу», достал ключи. Водителя отпустил: необязательно знать ему, куда он ездит после работы. В машине было холодно и темно. Ивашов завел мотор, откинулся на сиденье, стал ждать, когда мотор немного прогреется.

За спиной вдруг раздался какой-то шорох, и через секунду сзади кто-то жесткой ладонью схватил его за подбородок, а к горлу прилипло холодное лезвие ножа.

– Сидеть! Не дергаться! – Хриплый мужской голос раздался тихо и спокойно, но именно это холодное спокойствие подействовало на Кирилла Анатольевича парализующе. Что за черт, с ужасом подумал он, ограбление? Но какое-то странное.

– Что вам надо? – сдавленным голосом спросил Ивашов.

– Ничего, – спокойно ответил мужчина сзади, – побеседуем.

– О чем?

– О жизни. – Мужчина сообщил это также спокойно, но уже без металла в голосе. Он отпустил голову Ивашова и убрал нож с его шеи. – Сиди спокойно, а лучше давай куда-нибудь поедem. А то тут у вас везде камеры понатыканы.

– Куда ехать? – Ивашов понемногу приходил в себя.

– Куда хочешь. Только не в людное место, где мы можем спокойно поговорить.

Кирилл Анатольевич мягко тронул машину, выехал с территории таможни, поехал к центру города.

– Не ссы, Кирилл, мочить не буду. Если бы я этого захотел, то ты давно был бы уже труп.

– Кто вы такой?

– Не признал... – мужчина хрипло засмеялся, – хотя ничего удивительного: двадцать лет прошло.

– Вадим?! – Кирилл Анатольевич резко повернул голову, в темноте салона увидел только контуры лица и горящий взгляд мужчины.

– Он самый. Не дергайся, веди машину, а то врежешься во что-нибудь.

– Откуда ты?

– Из мест не столь отдаленных.

– Как ты проник в машину?

– Навыки. В общем, так, давай куда-нибудь на хазу. Поговорим, да и в реактор надо что-то кинуть. А то с утра без подпитки, все тебя выслеживал.

– Тогда ко мне на дачу, тут недалеко.

– Пойдет.

Мысли вертелись в голове как льдинки в бурной горной реке. «Значит, он жив, откуда он взялся? И зачем приехал? Наверное, что-то требовать с меня. А что с меня требовать? Родительскую квартиру? Ее давно нет. Ее продали и на эти деньги купили сыну квартиру в Питере».

Вадим его брат-близнец. Несмотря на утверждения ученых и астрологов о том, что у братьев-близнецов, как правило, одинаковые судьбы, у них с Вадимом жизненные пути резко разошлись еще в молодости. Перед армией молодой Вадим связался с местной шпаной, попался на ограблении магазина и покатился вниз по наклонной криминальной дорожке. Связь с ним Кирилл поддерживал через родителей, а после того, как родители умерли, пропала и эта связь. Семь лет от брата не было никаких вестей, и Кирилл смирился с мыслью, что он пропал где-то на зоне, и даже не искал его. В анкетах, которые Ивашов заполнял, работая в таможенных органах, он уже не упоминал своего криминального родственника, дабы не портить биографию. И вот на тебе: новый вывих судьбы!

Кирилл Анатольевич свернул с трассы. Машина, тихо урча, километра два петляла по проселочной дороге, с трудом двигаясь по рыхлой земле. В салоне машины была тишина.

Вадим молчал, Кирилл Анатольевич тоже не возобновлял беседу, да и не знал, как начать разговор.

Подъехали к высокому каменному забору, Кирилл вышел из машины, открыл ворота, вернулся обратно к машине. Все это время Вадим оставался в машине. Въехали во двор, Кирилл заглушил мотор.

– Пошли, – пригласил брата в дом.

– Ничего домишко отгрохал, – заметил Вадим.

В доме было холодно и сыро. Прошли в гостиную, Кирилл включил свет, сразу же подключил комнатный нагреватель.

– Давно тут не был, – сообщил Кирилл, словно бы извиняясь за неуютную обстановку в доме.

– Ништяк, – небрежно бросил Вадим, сел в кресло, покрытое чехлом, закурил.

Только сейчас Кирилл смог рассмотреть Вадима. Тот действительно сильно походил на своего единокровного брата: такие же рост, тип лица, строение тела, цвет глаз, даже улыбка одинаковая – смахивающая скорее на циничную усмешку. Но были и различия. По комплекции Вадим был более худой, а черты лица более резкие и жесткие. Голос тоже немного другой – грубый и резкий, без того интеллигентского баритона, который Кирилл отработал за последние годы, вращаясь в среде таможенных чиновников.

Вадим тоже бесцеремонно рассматривал брата.

– Хорошо выглядишь... братан, – констатировал Вадим, не спуская с него цепкого взгляда. Фраза была произнесена значительно, но трудно было понять, что в ней было больше – похвалы, зависти или укора.

– Из еды только консервы, – сообщил Кирилл, заглянув в открытый холодильник, – паштет, тушенка, ананасы, сгущенка...

– Давай тушенку, – приказал Вадим, – и чаю еще.

Через минут пять Кирилл поставил на стол разогретую на газу тушенку, в большом бокале – чашку горячего чая.

– Водку будешь?

– У-у. – Вадим промычал и помотал головой, так как рот у него был забит мясом. – Чаю положи больше.

– Сколько? – удивленно спросил Кирилл.

– Штук десять.

Кирилл Анатольевич положил в бокал восемь пакетов, до краев наполнив бокал.

– Больше не входит.

– Ништяк, – скупой обронил Вадим.

Кирилл Анатольевич налил себе в стопку водку. Стал ждать, пока брат наестся. Тот ел быстро и жадно. Насытившись, рукавом куртки вытер губы, откинулся на спинку стула, посмотрел на брата холодным немигающим взглядом.

– Ну, что, братан, не рад встрече?

– Скорее удивлен, – осторожно признался Ивашов.

– Похоронили, значит, – криво усмехнулся Вадим и сплюнул на пол горошину перца. – Ладно, давай, что ли, за встречу. – Он приподнял свой бокал с чаем.

Кирилл Анатольевич осторожно чокнулся своей стопкой с бокалом Вадима, быстро опрокинул водку в себя. Брат сделал несколько маленьких глотков черного, как смола, чая, поставил бокал на столешницу, закурил.

– Я тебя по телевизору видел три месяца назад. Когда еще на зоне кантовался. – Вадим выпустил вверх струйку дыма. Он смотрел немигающим взглядом на брата и молчал. Этот взгляд действовал на Кирилла парализующе, напрягал и сковывал волю.

– Когда освободился?

– Откинулся месяц назад. Отбарабанил червонец по сто шестьдесят третьей, от звонка до звонка. Сейчас вроде как завязал.

– Чем думаешь заняться?

– Не знаю еще... надо бы деньжонок где-то заработать. – Вадим стряхнул пепел в банку с недоеденной тушенкой, снова долгим взглядом посмотрел на брата. Тот выдержал этот взгляд. – Может, подсобишь братану? Поставишь меня где-нибудь на пост на месячишко?

– Чтобы тебя потом несколько месяцев отмывать перед следствием? Нет, Вадим, такие схемы сегодня не проходят.

– Придумай сам. – Вадим откинулся на спинку стула, на лице его застыла циничная улыбка.

– Подумаем, – задумчиво произнес Кирилл Анатольевич, взял в руку стопку, несколько капель, оставшихся на дне стопки, слил в банку с тушенкой.

– Родители далеко похоронены?

– Нет, в городе, на центральном кладбище.

– Надо бы съездить.

– Съездим. Значит, давай так. Жить пока будешь здесь. Все необходимое есть. Харчей я тебе завтра подвезу. А потом обмозгуем, что дальше делать. – Кирилл Анатольевич встал из-за стола.

– Ништяк. Спасибо, Кирюш. – Голос Вадима вдруг дрогнул, а взгляд предательски заблестел.

– Ну, чего ты? Все нормально. – Ивашов удивленно посмотрел на брата и улыбнулся ему в лицо.

– Братан, у меня ведь больше никого не осталось... – Кадык на худой шее Вадима судорожно дернулся, он шумно выдохнул воздух через нос. Затем быстро подошел к брату, прижал к себе, обхватив его за плечи двумя руками. – Кирюха, братан... – Плечи пожилого зэка затряслись, и из его груди раздался плач, похожий на вой одинокого волка.

– Ну, ну, чего ты? – Кирилл Анатольевич был шокирован и напуган этим эмоциональным всплеском. – Все нормально, Вадим. Все устроим, – он похлопал брата по плечу, – все, давай отдыхай. Завтра я к тебе подъеду. – Он оторвался от брата.

– Здесь как обстановка? Никто не приедет? – Вадим говорил уже спокойно.

– Нет. Никто. В соседних коттеджах тоже никого нет. Они приезжают только на выходные.

– Ништяк, – удовлетворенно произнес Вадим.

– Постельное белье там найдешь, в шкафу. Ну, давай до завтра. – Кирилл Анатольевич пожал руку Вадиму, вышел из дома.

Глава VII

«И куда его пристроить? С такой биографией дворником-то нигде не возьмут. А где ему жить? У себя не поселишь. Летом может на даче, а зимой где? Б-блин, не было печали... И пока не стоит нигде болтать о новом родственничке». Так размышлял Кирилл Анатольевич утром по дороге на работу.

Как только вошел в кабинет, зазвонил красный телефон.

– Доброе утро, Александр Алексеевич, – поприветствовал начальника.

– Привет. Ты собрал бабки для Гудина?

– Собрал.

– Сколько банк взял за «услугу»?

– Пять процентов.

– Лихо! Двадцать пять тысяч зеленых, – тихо крякнул начальник управления, мгновенно подсчитав причитающиеся комиссионные банка. Затем после небольшой паузы непривычно льстивым голосом сообщил Ивашову: – Кирилл Анатольевич, мы решили, встречу проведем у тебя на даче. Так безопасней....

– Александр Алексеевич, да у меня там бардак такой! – возмущенно воскликнул Ивашов. – Сезон еще не начался, надо делать уборку.

– Я тебе дам людей, за полдня все до блеска вылижут.

– Не надо! – резко отрезал Ивашов. – Я уж как-нибудь сам.

– Ну, смотри. Деньги на *поляну* я тебе отстегнул. В общем, чтобы послезавтра все было готово.

– Понял, – буркнул Ивашов, – сделаю, – положил трубку на базу.

Минуты две Кирилл Анатольевич сидел за столом, хмуро рассматривая красный телефон, и размышлял. Приглашать своих кураторов из Москвы на дачу он не хотел, как и вообще встречаться со столичной «крышей». Но встречаться придется. Надо решать «рабочие вопросы». Сотрудничество с «соратниками» его тяготило. Особенно в последнее время. Гудин раздражает. Своим барством, откровенным хамством, пренебрежительным отношением к ним, провинциалам. Получает такие бабки! А за что? Только за обещания в случае чего прикрыть их в критический момент. «Но, когда нагрянут маски-шоу, прикрывать он будет прежде всего себя, а не меня. А нас он продаст, чтобы облегчить свою участь».

А ведь все «дело» создал он, Ивашов. Разработал схему, придумал хитроумную комбинацию, наладил каналы, подобрал нужных людей на нужных местах. Но это не в счет! «А когда мы окажемся на краю пропасти, то он первым и толкнет меня в эту пропасть».

Вадим еще, как нарочно, на даче. Куда его деть? А что, если... Озорная мысль вдруг молнией мелькнула в его голове. Кирилл Анатольевич встал, прошелся по кабинету, прибавил звук телевизора, словно боялся, что кто-то услышит его мысли. Так-так, в этом что-то есть! Ивашов остановился у окна, посмотрел вниз на плотный поток машин. «Да, пожалуй, так и сделаю». Он ударил кулаком правой руки по ладони. Пора начинать свою игру.

После обеда Кирилл Анатольевич приехал на дачу. Вадим во дворе сгребал граблями старые листья и ветки и бросал их в дымящийся костерок. Вообще, как заметил Кирилл, брат не любил бездельничать. За два дня, что он прожил на даче, он прибрался во дворе, починил электропроводку в гараже, наточил все кухонные ножи.

После того как Кирилл Анатольевич сложил привезенные продукты в холодильниках, позвал брата на кухню.

– Я тебе пива привез, – поставил на стол несколько банок пива, на тарелку выложил копченую корюшку.

– О-о, спасибо, Кирюш. – Вадим обрадовался угощению. – Рыбка классная, только не для моего желудка, – с сожалением заметил брат, – но парочку попробую.

– Вадим, ты просил дать тебе возможность подзаработать. Скоро потребуется твоя помощь, – тихо сообщил Кирилл Анатольевич.

Вадим прилепил к лицу брата немигающий взгляд, к которому тот никак не мог привыкнуть.

– Послезавтра сюда приедут гости, мои коллеги. Будет деловой разговор. С пьянкой, здесь, во дворе. Надо будет кое-какие моменты зафиксировать.

– Что за пацаны? – деловито поинтересовался Вадим.

– Это по работе...

– Это я понял. Меня интересует, какая категория: авторитеты, фраера...

– Крутые... очень! Из Москвы, ты с такими еще не сталкивался.

– Понял, что надо делать?

– Мы будем сидеть за столом во дворе, а ты с кинокамерой с чердака будешь нас снимать. Все не надо, главное внимание на одного мужика, его зовут Игорь Вениаминович. И обязательно надо зафиксировать один момент – когда я буду передавать чемодан денег этому мужику.

– Задачу понял, базар отфильтрую.

– Понимаешь, надо кое-кого поставить на крючок.

– Поставим, – убедительно пообещал брат-зэк. – Как потребуется, так и поставим – на крючок, на счетчик или на нож... Кирюха, для тебя все сделаю. Только прикажи.

– Ладно, Вадим, я в долгу не останусь.

– Заметано, братан. – Вадим хитро подмигнул брату.

Глава VIII

Гости приехали к вечеру. Ванин, Немиров и Гудин, грузный мужчина с круглым лицом и двойным подбородком, который был уже навеселе.

– Ну, что, комбинатор, как обстановка? – Московский шеф, вперил в Ивашова наглова-тый взгляд серых водянистых глаз.

– На вверенном мне участке все нормально, Игорь Вениаминович, – бодро доложил Кирилл Анатольевич, пожимая высокому гостю руку.

– *На его участке*, – криво усмехнулся московский гость, повернувшись к Ванину, – а как в целом, так сказать... – Москвич сделал двумя ладонями в воздухе движение, очерчивая форму эллипса.

– А за целое не отвечаю, товарищ генерал-полковник, не дорос еще...

– Умен, – Гудин пристально посмотрел в лицо начальника таможни, – но скользок, – загадочно и тихо добавил он. – Ладно, запомним. Так, к отчету подготовились хорошо, – осмотрел стол, ломившийся от дорогих закусок. – Тогда приступим к разбору полетов.

Гости и хозяин уселись за стол. После первых тостов за здоровье гостя и будущие трудовые подвиги государевых мытников беседа плавно переросла в «деловую часть». Говорил главным образом Гудин.

– ...А в Липецкой таможне местные обормоты что недавно учудили, не слышали? – Гудин весело посмотрел на собеседников. – Гнали с местных заводов черный металлолом. По накладным. Потом обнаружилось: тоннами экспортировали промышленный алюминий. Они красили его черной краской и фуговали фурами.

– И что с ними решили? – осторожно поинтересовался Ванин.

– А что решили? Стрелочников посадили, начальника пожалел, не стал сажать, но перевел в другой город.

– А вы знаете, кто самые лучшие в мире контрабандисты? – усмехнулся Ивашов.

– Кто? – воскликнул заинтригованный Немиров.

– Таможенники. Только они строят идеальные контрабандные каналы.

– Ну, теоретически, наверно, так и есть, – задумчиво произнес Гудин.

– Да и практически тоже. Вы помните историю с Чичиковым из «Мертвых душ»?

Собеседники заинтересованно уставились на Ивашова.

– Он работал начальником таможенного поста в Средней Азии. Талант у этого господина был дьявольский: контрабанду чуял за километр. Все контрабандисты от него стонали. Предлагали очень солидные взятки – не брал! Слава о неподкупном таможеннике дошла даже до столичного начальства. Чичикову дали какую-то правительственную награду. И вот, после того, как он создал себе, как говорят сегодня, такой имидж кристально чистого чиновника, он со своим замом и создал идеальный контрабандный канал, который работал как часы. Работали долго. А из-за чего они погорели, помните? Поссорились из-за бабы. Зам по дурости накапал на своего начальника. Чичиков-то, правда, вывернулся, а вот зам-то нет: посадили.

– Ты... к чему это нам сейчас рассказал, Кирилл Анатольевич? – деревянным голосом спросил Гудин.

– Да так, Игорь Вениаминович, юмор. Анализ жизненных ситуаций.

– С душком у тебя юмор, – покосился столичный гость на Ивашова.

– С кадрами тяжело, Игорь Вениаминович. – Ванин поспешил сменить скользкую тему.

– Кадры... да, – Гудин выразительно покачал головой, – а где их взять таких: чтобы профессионал, не воровал и план давал?

– Надо повышать престиж профессии и зарплату, – произнес Ивашов.

– С чего ее повышать, – Гудин со злостью посмотрел на Кирилла Анатольевича, – если у старшего инспектора с двадцатилетним стажем двадцать пять тысяч со всеми надбавками и премиями?

– У меня начальник отдела безопасности недавно проводил занятие со своими, – начал рассказывать Ивашов. – Дает задачу. Инспектор на посту, зарплата именно такая, как вы верно заметили, больная жена, снимает квартиру, двое детей-школьников. Инспектор задерживает груз: нет сертификата качества. Участник ВЭД дает ему взятку пятьсот долларов. Вопрос: спрогнозируйте возможные варианты действий инспектора.

– Вот-вот, – криво усмехнулся Гудин, – поэтому у нас и работают только две категории работников: романтики-дурачки и... ну остальную категорию не буду называть. Так, все, хватит о грустном. Выпьем за таможеню, которая дает «добро».

– И берет тоже, – хихикнул Немиров.

Гудин бросил на подчиненного выразительный взгляд, но ничего не сказал. Он выпил залпом стопку водки, взял с тарелки кусочек маслянистого сома, обильно смазал его хреном и отправил его вслед за водкой.

– А вообще, если разобраться, мы, таможня, главные несуны в стране, – изрек Гудин, сопроводив фразу солидной отрыжкой.

– В каком смысле? – Ванин испуганно посмотрел на московского куратора.

– В том смысле, что приносим стране больше всех дохода: сорок процентов поступлений в госбюджет.

– Я считаю это глупостью, – неожиданно произнес Ивашов.

– Почему? – Все в изумлении уставились на Кирилла Анатольевича.

– Потому что ощипываем курицу, которая несет нам яйца.

– Интере-есная точка зрения. – Гудин с прищуром посмотрел на Ивашова. – Может, пояснишь?

– Я считаю, Игорь Вениаминович, что наши пошлины, особенно экспортные, чрезмерно завышены. Нигде в мире такого нет. Мы сами ставим барьеры для инвестиций, для выхода наших товаров на мировой рынок. Поэтому наш бизнес и идет на ухищрения: бартерные сделки, занижение кодов ТНВЭД, контрабанда и взятки таможенникам...

Ивашов почувствовал, как Ванин жмет ему ногу под столом.

– М-м-да, – Гудин слегка крикнул, – может, ты, Кирилл Анатольевич, в чем-то и прав, только... нигде больше это не говори.

– Кстати, ближе к телу, Игорь Вениаминович, – воодушевленно воскликнул Ванин, – приготовили вам ко дню рождения небольшой презент. – Ванин бросил выразительный взгляд на Ивашова.

Кирилл Анатольевич встал из-за стола: «Одну минуту». Он прошел в дом, взял из платяного шкафа кейс, быстро забежал по лестнице на чердак.

– Сейчас снимай передачу! – громким шепотом сообщил он Вадиму, который с кинокамерой сидел у смотрового окна на чердаке. Брат поднял ладонь и кивнул головой.

– Вот, Игорь Вениаминович, это вам ваши дивиденды... – Он положил на стол кейс, открыл его, поднял крышку. Кейс был полностью забит пачками долларов. – Пол-лимона, можете посчитать.

– Ну что вы, зачем. – Гудин жадным взглядом взглянул на «подарок», закрыл кейс, поставил его себе между ног.

Ивашов, довольный, уселся на свое место, не обращая внимания на ледяной взгляд Ванина.

Когда гости уехали со двора, Вадим вышел из своего укрытия.

– Ну, братишка, ты, однако, ворочаешь! – Он восхищенно посмотрел на Кирилла Анатольевича. – Я перед тобой как щенок перед волком....

Глава IX

Поезд на Московский вокзал Петербурга прибывал утром. До прибытия оставалось еще минут сорок, а Кирилл Анатольевич в купе СВ ехал один. Поэтому спокойно сидел в трико и майке и делал одновременно два дела: пил чай и брился.

В эту командировку он отпросился у Ванина с трудом. На семинар по теме «Деятельность таможенных органов в условиях международных портов России» съезжались таможенные начальники со всех концов страны.

– Кирилл, у нас в регионе вроде еще нет международных портов, – произнес Ванин, когда Кирилл Анатольевич положил ему на подпись командировочное удостоверение.

– Александр Алексеевич, – солидно заметил Кирилл Анатольевич, – во-первых, на таких мероприятиях всегда доводится какая-то интересная информация по оперативной обстановке, во-вторых, вы сами как-то говорили, старые связи надо периодически подогревать.

– У тебя что, там много связей? – Ванин подозрительно посмотрел на подчиненного.

– Не много, но есть. Старые друзья по Таможенной академии.

– Ладно. Только на три дня, – начальник управления подписал командировочное, – привезешь мне набор открыток по Русскому музею.

– Привезу, – пообещал Кирилл Анатольевич.

Истинная же причина его поездки в Северную столицу была совсем другой – начальник северо-западного таможенного управления. О ней он не говорил никому, даже «соратникам». Хомяков Константин Дмитриевич его старинный друг. Они вместе учились в Плехановском институте, потом их пути разошлись. Хомяков после института сразу ушел в таможенную систему, поступив в Таможенную академию, а Ивашов пришел туда только после службы в армии. Они лишь изредка встречались на служебных перекрестках, но личные отношения старались поддерживать.

Это была мужская дружба, проверенная временем. Когда в стране начали создаваться внутренние таможни, Хомяков через свои связи в Москве помог Кириллу Анатольевичу занять место начальника таможни в его городе. Ивашов, в свою очередь, иногда выполнял просьбы друга. Мужчин сближали и личные качества: реалистичная оценка происходящих в стране событий, деловая хватка, холодный и циничный расчет в отношениях с людьми. Вот только личная жизнь у них сложилась по-разному. У Константина было трое детей и уже куча внуков. У Кирилла Анатольевича семейная жизнь практически развалилась. Втайне Ивашов немного даже завидовал другу по этому поводу.

Была и деловая причина для встречи. В голове Кирилла Анатольевича созрела новая хитроумная комбинация, осуществление которой он и хотел предложить Хомякову. Даже если он и не согласится, то риска никакого: не продаст.

Друг встретил его при выходе из вагона.

– А ты забурел, Кирилл, – воскликнул Константин Дмитриевич после крепкого мужского объятия, – приезжаешь ко мне только по делам, а вот чтобы просто так, по-дружески – «Пока не могу, подъеду в следующем году...».

– Да ты тоже недалеко от меня ушел, – усмехнулся Кирилл Анатольевич. – «В этом году никак, внук пошел в первый класс», потом «устраиваю в институт», потом женить будешь...

– Ладно, не ворчи, – примирительно согласился Константин Дмитриевич, – пошли.

Он подхватил сумку гостя и повел его на привокзальную площадь.

– Куда едем, Костя? – поинтересовался Кирилл Анатольевич в машине.

– В баню.

– А как же семинар?

– Успеем, – небрежно махнул рукой Хомяков, – все доклады я тебе дам. Даже твой доклад, если его у тебя нет.

– Хорошо, в баню так в баню. – Кирилл Анатольевич не возражал против такого начала научно-практического семинара.

Люкс в частной сауне был отделан в стиле ретро: у входа плюшевый медведь с подносом, в зале пузатые кадучки с фикусами, на полу ковровые дорожки, на окнах тяжелые малиновые шторы, у бассейна статуя девушки с веслом.

– Извини, Кирилл, только такая, – сообщил Константин Дмитриевич, кивнув на нее, – но ты сам сказал, что встреча деловая.

– А у нас с тобой других и не бывает, – грустно улыбнулся Кирилл Анатольевич.

– Вот это и плохо, Кирилл, жизнь-то проходит.

– Проходит. Ты ведь старше меня, Костя?

– На два года.

– Мне один бизнесмен как-то сказал: у всякого мужика бывает три периода в жизни. Первый – это когда женщины интересуются тобой, а ты ими. Второй – когда женщины тобой уже не интересуются, а ты на них еще поглядываешь. А третий – это когда все женщины для тебя одинаковы и возбуждают тебя так же, как вот эта, с веслом.

– Дай бог, чтобы третий период был для нас с тобой как можно короче, – усмехнулся Константин Дмитриевич, – а ты неплохо выглядишь, Кирилл, – он оценивающе посмотрел на крепко сбитую фигуру голого друга, – качаешься, что ли?

– Немножко. Веники-то там есть? – кивнул в сторону парной.

– Да все готово, пошли. – Друзья прошли в парную.

После двух заходов, разместившись на диване, открыли пиво.

– Как у тебя с Лизаветой? – поинтересовался Константин Дмитриевич.

– Разведемся, наверное, – тяжело вздохнул Кирилл Анатольевич.

– Что, совсем плохо?

– Плохо, – уныло сообщил Кирилл Анатольевич. – Все настолько разбито, что склеить уже невозможно.

– Ну... тогда надо обрубать. И чем быстрее, тем лучше. Замена-то есть?

– Да есть....

– А чего тянешь?

– Семь раз отмеряю, чтобы потом не жалеть. В нашем возрасте уже нельзя в омут с головой. Костя, вопрос тебе. – Кирилл Анатольевич резко повернул беседу в другом направлении, чтобы уйти от болезненной темы. – Ты в курсе истории с рекламациями американцев по автомобилям «Фольксваген»?

– Да-а, скандал оглушительный. Такой удар немцам под дых! Штрафы на крутые миллиарды.

– И причина, заметь, смехотворная. Во всяком случае, по нашим российским меркам. Якобы немцы нахимичили что-то с показаниями газоанализаторов.

– Да-да, я читал об этом. Слушай, а что это ты меня об этом спрашиваешь? Проверка моей осведомленности в рамках экономического ликбеза?

– Нет, Костя. Хочу проверить одну комбинацию. Приглашаю поучаствовать. Надо протянуть руку помощи нашим немецким «товарищам».

– Та-ак, начало интересное... – Константин Дмитриевич отставил бутылку пива, вытер полотенцем пот с лица и шеи. Выжидающе посмотрел на друга.

– А конец будет захватывающим. Вкратце суть дела. У «Фольксвагена» сейчас убийственные проблемы с реализацией автомашин. И не только в Америке, но и в Европе. Англия уже предъявила немцам требования на возврат уже проданных автомобилей с приложением нехилых компенсаций. Ряд европейских стран приостановил закупки по уже заключенным контрак-

там до момента разрешения ситуации. На складах автомобильного гиганта скопилось огромное количество авто. По грубым прикидкам, около ста тысяч машин. Склады забиты, реализации нет. В общем, полная жопа. Поползли слухи о банкротстве «Фольксвагена».

– М-м-да, жаль! Машина-то хорошая.

– Так вот. Ты же помнишь, что моя таможня специализируется на импорте иномарок известных брендов.

– Знаю.

– У меня есть кое-какие связи на «Фольксвагене». Недавно закинул удочку: мол, можем помочь – размещать неликвид на нашем рынке. Их коммерческий ухватился: «На каких условиях?» Я сейчас разрабатываю контракт, перетираю тему с нашими дилерами. Те тоже навестились: перспектива солидного дисконта. Короче, гоним весь их неликвид через наши с тобой таможни по режиму свободного выпуска. Никакой химии, все законно.

– А нам-то что с тобой от этого, Кирилл?

– А нам с тобой комиссионные. Мы их откусим из дисконта, который они предоставят. Я думаю, миллиончиков по десять евро на нос выйдет.

– Кирилл, – Константин Дмитриевич скептически посмотрел на друга, – нам вдвоем это не осилить. Без Гудина не обойтись.

– Согласен. Мы его поставим только в известность, чтобы он не мешал нам. А мешать он нам не будет: есть у него ахиллесова пята, на которую я могу надавить.

– Интересно, какая же? – удивился Константин Дмитриевич. – Хотя... если не хочешь, не говори.

– Скажу. Со временем.

– Но объем очень большой. – Таможенник озабоченно помотал головой. – Лоббисты АвтоВАЗа могут возбунтуются.

– А я так составлю контракт, что поставки будут идти достаточно долгий период, скажем, года два.

– Думаешь, наш рынок проглотит?

– А куда он денется, – усмехнулся Кирилл Анатольевич.

– Ладно, я в теме. Потом ее прокачаем. – Константин Дмитриевич встал с дивана. – Пошли еще разок зайдем, – скинув с себя простынь, направился в сторону парной.

Глава X

Не успел Ивашов войти в свой кабинет, как его встретил встревоженный Немиров.

– Кирилл Анатольевич, срочно к Ванину! – напряженным шепотом сообщил он.

– Зачем? И почему срочно? – поинтересовался Кирилл Анатольевич.

– Я подробностей не знаю, но к нам какая-то предьява от автосалона «Мерседес»...

– Андрей Юрьевич, изъясняйся нормальным русским языком: не предьява, а претензия.

Мы пока еще не в тюрьме.

– Ну и шуточки у вас, Кирилл Анатольевич! – воскликнул Немиров и с испугом оглянулся вокруг.

– Хорошо, сейчас свяжусь. Тут как?

– Да... все нормально. Квартальный план вроде вытягиваем с превышением.

Войдя в кабинет, Ивашов достал из сейфа папку с наклейкой «Мерседес». Открыл, пролистал находящиеся в ней документы. «Так, – подумал Кирилл Анатольевич, – спор, по всей видимости, по нашим комиссионным. Все предсказуемо. Ладно, послушаем командира».

– Екатерина Владиславовна, небольшой презент из Питера. – Ивашов, войдя в приемную, положил на стол секретарши коробку конфет.

– Ой, Кирилл Анатольевич, – изумленно воскликнула женщина, – если бы у нас все мужчины были такие!

– Там кто? – Ивашов кивнул в сторону двери в кабинет шефа.

– Совещание отдела по тарифам. Но я сейчас о вас доложу.

Секретарша Ванина сняла трубку телефона и тихо сообщила шефу о прибытии Ивашова.

– Проходите, Кирилл Анатольевич, – сообщила она Ивашову.

Тот удивленно дернул плечами, вошел в кабинет.

Начальник таможенного управления, увидев вошедшего Ивашова, объявил участникам совещания:

– Перерыв, коллеги. Всем выйти. Через полчаса снова ко мне.

Сотрудники отдела по тарифам вышли.

– Анатольевич, у нас трения с салоном «Мерседес», – без предисловия сообщил шеф. – Вчера позвонил Головачев. Требуется вернуться к старым комиссионным.

– Но мы же им объяснили...

– Да, да, – нетерпеливо перебил Ванин. – Но Головачев как с цепи сорвался.

– Шантажировал?

– Да, – тихо выдохнул Ванин, – так и сказал: «Вы что, хотите, чтобы информация о ваших операциях оказалась в УБЭПе?»

– Ну, во-первых, это подлость, Александр Алексеевич. Ведь все риски на нас. Во-вторых, глупость: находимся-то в одной лодке...

– В общем, так, Кирилл, бери Немирова, встречайтесь с ними. Вопрос надо утрясти.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.